

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. С ТОРАЙГЫРОВА
ОБЪЕДИНЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
ПРОГРАММА “КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

**ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
АРХЕОЛОГИИ
ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ**

Выпуск 2

ПАВЛОДАР, 2006

А.Д. ТАИРОВ

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный университет

ПАМЯТНИКИ “КОРГАНТАССКОГО ТИПА”: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

В последнее десятилетие в восточных районах Центрального Казахстана выявлена своеобразная группа погребальных памятников, определяемая А.З. Бейсеновым как “коргантасский тип”, и предварительно датированная им первоначально IV–I вв. до н.э., а затем – III–I вв. до н.э. По имеющимся в литературе данным, к настоящему времени исследовано 30 комплексов этого типа (Бейсенов А.З., 1996, с. 89; 1996а, с. 19; 1999, с. 24; Бейсенов А.З. и др., 2004, с. 27; Умиткалиев У.У., Бейсенов А.З., 2004, с. 37).

Это невысокие (не более 0,30 м) каменные курганы с округлой или слегка вытянутой с юго-запада на северо-восток насыпью, диаметром от 5 до 12 м, но в основном не более 6–6,5 м. За исключением одного случая, все курганы содержали по одному индивидуальному захоронению¹. Под центром насыпи выявлены вытянутые невысокие каменные набросы, располагавшиеся над могильной ямой. В ряде случаев, вместо простого наброса сооружены однодвухслойные выкладки из крупных камней, положенных в один ряд по периметру могильной ямы. Внутреннее их пространство заполнено камнем (рис. 1, П, 1). Ориентировка могильных ям устойчивая – ЮЗ–СВ, изредка ЮЗЗ–СВВ. Глубина колеблется от 0,4 м до 2 м, но в основном в пределах 1,0 м. Почти в трети курганов захоронения совершались в каменных ящиках высотой до 0,45 м, сооруженных на дне могильных ям из вертикально поставленных плит и перекрытых крупными плитами. В остальных курганах захоронения производились в грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами или без перекрытия. Перекрытия опирались на края ямы, изредка на узкие продольные заплечики в средней части ямы. Погребаемые укладывались вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой в северо-восточную сторону (СВ, СВВ), изредка на восток. Очень часто в область груди или живота умершего помещалась лопатка и ребро или только лопатка животного (лошади или барана).

Особенностью коргантасского типа памятников являются особые жертвенные места – отсеки. Устроены они, как правило, с северо-восточной стороны ямы за изголовьем погребенного. В конструктивном плане, по взаиморасположению могильной ямы и отсека и по соотношению их дна, можно выделить три основные группы отсеков.

¹ Следует отметить, что все публикации по памятникам этого типа носят тезисный характер и почти не содержат рисунков.

Первая группа включает отсеки, дно которых находится на одном уровне с дном могильной ямы. Устроены они внутри могильной ямы путем оставления пространства (0,5–1,0 м) между северо-восточной торцевой стенкой каменного ящика и стенкой могильной ямы. Если захоронение совершалось не в ящике, а в простой грунтовой яме, то в северо-восточном углу ямы, за изголовьем умершего, вкапывалась вертикально поперечная плита, отделяющая отсек от погребенного. Во вторую группу входят отсеки, дно которых находится выше дна могильной ямы. Это отсеки округлой формы, выкопанные на древнем горизонте на расстоянии 0,11–0,15 м от северо-восточной короткой стенки ямы. Глубина этих ям-отсеков – 0,3–0,35 м (рис. 1, II, 3). Третья группа – отсек внутри могильной ямы, в ее северо-восточном углу на специальном приступке выше дна могильной ямы (рис. 1, II, 2). В ряде случаев между отсеком и погребальной камерой оставлялась невысокая материковая перемычка – перегородка, иногда такой перегородкой служила верхняя часть плиты каменного ящика.

Во всех отсеках найдены черепа баранов, лошадей, редко коз и только в одном случае – быка с шейными позвонками, а также кости ног животных (копыта, фаланги). Количество черепов в отсеках различно. Так в кургане Жасыбай обнаружен лишь череп лошади, в кургане 6 могильника Бидайык – два черепа барана, в кургане 19 могильника Бирлик – шесть черепов лошади, восемь барана и одна коза, а в кургане 1 группы Шидерты 18 в таком отсеке найдено 11 лошадиных черепов и 18 – мелкого рогатого скота. В ряде случаев в отсек помещалась голова взнузданной лошади – найдены массивные железные кольчатые удила и бронзовые украшения уздечки.

Почти все курганы ограблены, тем не менее в могильных ямах обнаружены наконечники стрел – костяные трехгранные со скрытой втулкой и сводчатой головкой, железные трехлопастные и трехгранно-трехлопастные черешковые с опущенными жальцами, железные ножи без выделенной рукояти, железные шилья, бронзовые и железные колчаные крючки, бронзовые пряжка и полусферические ременные бляшки, обломок бронзового миниатюрного чекана, фрагменты круглых в сечении костяных палочек, раковина и другой инвентарь (Бейсенов А.З., Исмагулова О.А., 1992, с. 130; Бейсенов А.З., Кожиков Д.А., 1993, с. 59, 60; Бейсенов А.З., 1995, с. 221–224; 1996, с. 89, 90; 1996а, с. 19, 20; 1999, с. 23, 24; 2002, с. 37; Умиткалиев У.У., Бейсенов А.З., 2004, с. 37–40; Мерц В.К., Красноперова О.Н., 2004, с. 158, 159).

Первоначально А.З. Бейсенов и Д.А. Кожиков подчеркивали, что “этот обряд погребения для Центрального Казахстана неизвестен”. Аналогии же ему они находили в хуннских памятниках Монголии и Забайкалья, отмечая, что такие головные жертвенные отсеки типичны для рядовых захоронений центральноазиатских хунну. Иногда же эта деталь обряда появляется и у народов, находящихся под сильным хуннским влиянием. Исходя из этого,

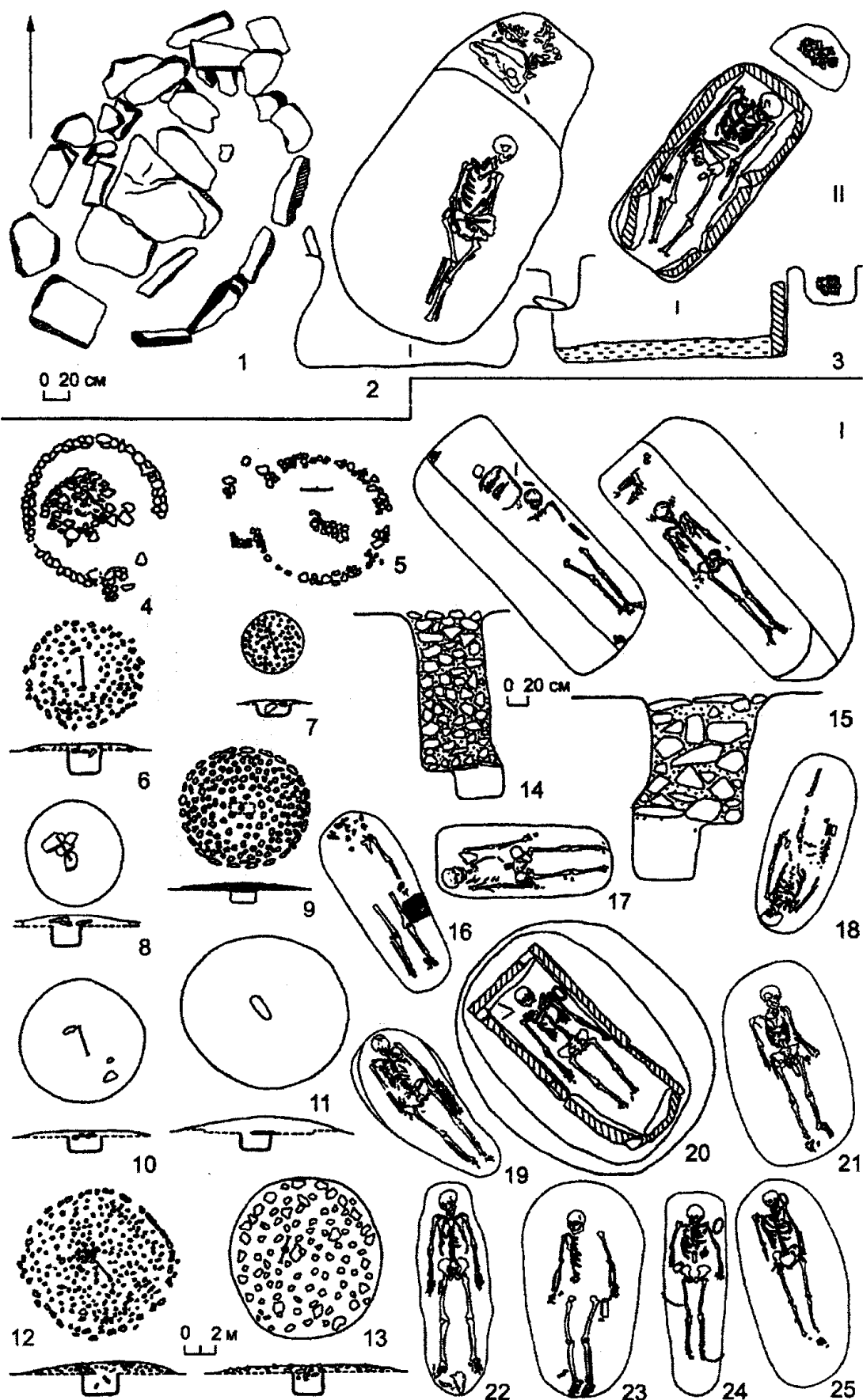

Рис.1. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана V–I вв. до н.э. Погребальные сооружения и погребальный обряд.

Рис.1. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана V–I вв. до н.э. Погребальные сооружения и погребальный обряд. *I* – тасмолинская культура (V–III вв. до н.э.); *II* – коргантасский тип (III–I вв. до н.э.). 1, 2 – погребение Суыкбулак; 3, 20 – могильник Бирлик (3 – курган 2; 20 – курган 1); 4, 5, 14, 15 – могильник Сага I (4, 15 – курган 6; 5, 14 – курган 5); 6, 7, 10, 12, 21, 23–25 – могильник Карамурун I (6, 23 – курган 5а; 7, 25 – курган 5б; 10, 21 – курган 2; 12 – курган 9; 24 – курган 10); 8, 19, 22 – могильник Тасмола II (8, 19 – курган 1; 22 – курган 2); 9, 17 – могильник Бугулы, курган 2; 11, 16 – могильник Тасмола III, курган 2; 13, 18 – могильник Карамурун II, курган 1. 1, 2 – по: (Умиткалиев У.У., Бейсенов А.З., 2004); 3, 20 – по: (Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., 1992); 4, 5, 14, 15 – по: (Курманкулов Ж., 2001); 6–8, 10–13, 16, 18, 19, 24–25 – по: (Маргулан А.Х. и др., 1966); 9, 17 – по: (Кадырбаев М.К., 1958).

А.З. Бейсенов и Д.А. Кожакоев делали вывод, что “подобные жертвенные места, или отсеки с черепами животных, нужно связывать с хуннским погребальным обрядом” (Бейсенов А.З., Кожакоев Д.А., 1993, с. 61, 62).

В следующей работе А.З. Бейсенов также отмечает, что специфика конструкции надмогильных сооружений и погребальный обряд, зафиксированный в памятниках коргантасского типа, особенно наличие специальных жертвенных отсеков и устойчивая северо-восточная ориентировка погребенных, а также и многие предметы инвентаря “довольно отчетливо выделяют эти погребения от основной массы памятников тасмолинцев Восточной Сарыарки”. Но тут же делает замечание, что “наряду с этим, другая же часть инвентаря (наконечники стрел, бронзовые изделия – обоймы для перекрестия уздечных ремней, полусферические бляшки, поясные украшения) могла бытовать и в самой среде познетасмолинцев”. Кроме того, он проводит сопоставление коргантасских жертвенников с обычаем помещения в могильную яму шкуры животного с головой и ногами, зафиксированным, по его мнению, в погребениях тасмолинской культуры VII–VI вв. до н.э. Впрочем, А.З. Бейсенов отмечает и кардинальные различия: “... кости животных (шкуры) в тасмолинских погребениях обычно находят в ногах умершего, и примеров, где бы кости животных лежали в обособленном месте (перегородка, ступенька) за изголовьем покойника, мы пока не имеем”. Вопрос о генезисе памятников коргантасского типа в этой статье не поднимается (Бейсенов А.З., 1995, с. 224, 225). В дальнейшем А.З. Бейсенов уже утверждает, что “по главнейшим элементам погребального обряда коргантасские памятники оставлены потомками центральноказахстанского населения тасмолинского периода и несут в себе местные традиции. Одновременно, фиксируются в них и новые черты наступившей эпохи”. К этим новым чертам он относит впускные захоронения (единственный случай), упрощение конструкции наземных сооружений, новые типы инвентаря и внутримогильные головные жертвенники. Приведя аналогии обычаю помещения голов животных в головы погребенного в более ранних памятниках Монголии, Тувы, Северного Китая и Алтая, а также в памятниках хунну Забайкалья, А.З. Бейсенов тем не менее констатирует, что “коргантасские головные жертвенники с черепами животных являются одним из

региональных видов этого распространенного в древности обычая. В его дальнейшем изучении необходимо особо учитывать культуры Центрального Казахстана, где обычай оставления в могиле шкур (!? – А.Т.) животных является устойчивой местной традицией...”. Вместе с тем, появление в Центральном Казахстане “нетасмолинских” животных – коз и крупного рогатого скота, рассматривается им как следствие проникновения сюда центральноазиатской традиции (Бейсенов А.З., 1996, с. 89–92; 1996а, с. 21). Однако в дальнейшем отмеченные выше “новые черты” он вновь рассматривает как свидетельство возможных связей коргантасского населения, являющегося, по его мнению, потомками тасмолинцев, “с более восточными районами Центральной Азии” (Бейсенов А.З., 1999, с. 23).

Анализируя памятники тасмолинской культуры V–III вв. до н.э. Центрального Казахстана, М.К. Кадырбаев отмечал, что для курганов этого времени характерна устойчивость в ориентировке погребальных камер – могильные ямы ориентированы, как правило, по длинной оси с севера на юг, а погребенные находятся в вытянутом положении, на спине, головой на север с небольшим отклонением к востоку и западу (рис. 1, I). В погребальных камерах, как правило, встречены кости передних или задних ног барана и отдельные части конского скелета. Кроме того, если в VII–VI вв. до н.э. курганы с каменными ящиками и оградами под насыпями составляют 40% всех исследованных памятников этого времени, то на долю памятников V–III вв. до н.э. их приходится менее 6%, причем наибольшее количество падает на памятники V в. до н.э. Начиная с IV в. до н.э., характерным типом погребальных камер для кочевых племен тасмолинской культуры Центрального Казахстана становятся грунтовые ямы с плоским перекрытием из каменных плит. В конце III и начале II вв. до н.э. в погребальном обряде и инвентаре, как отмечает М.К. Кадырбаев, наблюдаются значительные изменения. Курганы становятся меньше по размерам и высоте. Получают распространение подбойные и катакомбные погребения с камерами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ. Положение погребенных вытянутое, головой на северо-запад (Кадырбаев М.К., 1959, с. 6–9; 1959а, с. 192, 193).

Сравнение погребений коргантасского типа с погребениями всех этапов тасмолинской культуры (рис. 1, I, II) показывает, что коргантасский обряд погребения для тасмолинских племен Центрального Казахстана неизвестен. Ни разу в погребениях “тасмолинцев” не зафиксированы не только головные жертвенники, но и северо-восточная ориентировка погребенных. Кроме того, помещение в могильную яму голов лошадей и/или баранов характерно только для первого этапа (VII–VI вв. до н.э.) тасмолинской культуры. Ко второму этапу культуры (V–III вв. до н.э.) М.К. Кадырбаевым отнесены лишь два погребения с головой барана в ногах – Тасмола II, курган 2 и Нурманбет II, курган 4 (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 352, 368). Однако, в кургане 2 Тасмолы

II вместе с погребенным найден только бронзовый однолезвийный нож без выделенной рукояти, характерный для памятников VII–первой половины V вв. до н.э. В кургане 4 могильника Нурманбет II найдена лишь бронзовая круглая уздечная пряжка, с рамковидным выступом и штырьком, украшенным знаком в форме копыта лошади, на кольце. Такие уздечные пряжки характерны для памятников VII–VI вв. до н.э. и позднее середины V в. до н.э. не встречаются. Таким образом, обычай помещать в ногах погребенного головы лошадей и/или баранов у носителей тасмолинской культуры отмирает уже в самом начале V в. до н.э. Причем “тасмолинцы” помещали в могильные ямы головы лошадей, и это следует подчеркнуть особо, а не их шкуры, как утверждает А.З. Бейсенов (Бейсенов А.З., 1996, с. 93, 1999, с. 22, 25). Ни разу в могильных ямах с черепами лошадей не обнаружены кости ног или копыта лошадей.

Определенное сходство памятники коргантасского типа обнаруживают с погребальными сооружениями кулажургинской культуры. Для последней характерны небольшие (диаметр 5–15 м) курганы с насыпью из земли и небольшого количества камня, который использовался для сооружения оград-крепид округлой формы. Погребения одиночные, реже парные. Совершались они в каменных ящиках, перекрытых плитами, изредка в грунтовых могилах. Погребенные укладывались в вытянутом положении на правом боку со слегка согнутыми в коленях ногами, на спине, иногда с подогнутыми в коленях ногами. Ориентированы они головой на восток (более ранние) или запад (более поздние). Изредка встречается ориентировка головой на северо-запад, юго-восток, северо-восток и север. В ряде курганов на перекрытии каменного ящика выявлен скелет лошади или ее череп и кости ног (шкура). В отличие от коргантасских, в кулажургинских памятниках не зафиксировано помещение в головах погребенного голов домашних животных, а уложенные на перекрытие ящика лошади не взнузданы (Черников С.С., 1975, с. 132–136; Самашев З.С., 1987, с. 110, 111; Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А., 1992, с. 144, 145).

Территориально ближайший к коргантасскому обряд погребения прослежен на Северо-Западном Алтае в кургане 1 могильника Сибирка (рис. 2, 5), датированном V–III вв. до н.э. (Бейсенов А.З., 1996, с. 92, 93). Это погребение Н.В. Полосьмак связывает с инфильтрацией населения из Северного Китая, с северокитайскими захоронениями скифского времени, которые, по ее мнению, принадлежат ранним сюнну (Полосьмак Н.В., 1990, с. 104; 1994, с. 143)². С проникновением кочевников из Северного Китая связано, очевидно,

² Появление этого комплекса на Алтае Н.В. Полосьмак первоначально связывала с миграцией представителей тасмолинской культуры через Алтай в Северный Китай, где они явились “одним из источников формирования особой протосюннуской культуры”. “... Центральный Казахстан, Северо-Западный Алтай, Западная Монголия..., Северный Китай – таков вероятный путь и место сложения одного из компонентов культуры сюнну” (Полосьмак Н.В., 1990, с. 104, 105). Критический разбор этой точки зрения дал в одной из работ А.В. Варенов (1995, с. 123–125).

и погребение в кургане 9 могильника Кер-Кечу в Центральном Алтае, датированном V–IV вв. до н.э. Здесь захоронение совершено в каменном ящике, впущенном в грунтовую могильную яму. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на восток. Черепа двух коз и лошади находились на уровне перекрытия ящика (рис. 2, 10). Как отмечал В.А. Могильников, помещение головы и лопатки лошади на уровне перекрытия каменного ящика известно и в других погребениях кара-кобинской культуры.

Однако связать с влиянием хунну, или шире центральноазиатских племен, находку черепов коз в этом погребении он не решился. Этому препятствовала как более ранняя по отношению к погребениям центральноазиатских хунну датировка кургана, так и расположение к югу от могильника “ареала пазырыкского этноса, отделившего кара-кобинцев Центрального Алтая от степей Центральной Азии” (Могильников В.А., 1988, с. 68–74).

На наш взгляд, появление на Алтае комплексов типа Сибирка и Кер-Кечу следует увязывать с общим движением на запад во второй половине V–IV вв. до н.э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах Северного и Северо-Западного Китая. Это движение захватило не только районы Алтая, но и более отдаленные территории, в частности Южный Урал (Таиров А.Д., 2004, с. 53, 54).

Как уже отмечалось в литературе, положение умерших вытянуто на спине, головой на север, северо-восток или восток, при наличии костей коров, овец, лошадей, баранов и коз (черепов, фаланг, копыт, лопаток), которые укладывались в определенном порядке в головах погребенного в специальной нише или на перекрытии могилы, довольно часто встречается в захоронениях могильников Маоцингоу и Таохунбала в Северном Китае (рис. 2, 1–3, 6, 8), датироваемых VII–III или V–III вв. до н.э. (Полосьмак Н.В., 1990, с. 102–104; 1994, с. 143; Миняев С.С., 1991, с. 108; Бейсенов А.З., 1996, с. 92, 93; Maoqingou, 1992, p. 45; Варенов А.В., 1995, с. 123).

Погребение, близкое к коргантасским, исследовано в местности Хоолтын-Гол на реке Керулен на крайнем востоке Монголии (Бейсенов А.З., 1995, с. 225; 1996, с. 92). Захоронение здесь совершено в простой грунтовой яме, перекрытой каменными плитами.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. Череп лошади, ее копыта, а также череп барана были помещены в подбойную нишу, сделанную в северной стенке могильной ямы выше ее дна (рис. 2, 9).

Погребальный инвентарь представлен четырьмя бронзовыми черешковыми наконечниками стрел, костяной пряжкой и двумя бронзовыми полусферическими бляшками с петлей на обороте. И.В. Асеев, на основании наличия трехгранных черешковых наконечников, датировал погребение V–III вв. до н.э. (Асеев И.В., 1975, с. 183, 186, табл. IV). Однако, все наконечники из этого погребения, как трехлопастные, так и трехгранные, имеют длинный раско-

ванный клинообразный черешок, характерный для наконечников VII–VI вв. до н.э. Для наконечников же V–III вв. до н.э. типичен более короткий, иногда круглый в сечении, черешок. Поэтому данное погребение совершено, на наш взгляд, не позднее VII–VI вв. до н.э.

В южных предгорьях Тянь-Шаня на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) выявлена культура скифской эпохи, представленная могильниками Чауху и Цюньбакэ. Полученные радиоуглеродные даты определяют промежуток ее существования периодом 1000–500 гг. до н.э., причем половина захоронений в отмеченных могильниках относится к раннему периоду (Молодин В.И., Комиссаров С.А., 2001, с. 284; Комиссаров С.А., 2000а, с. 107)³. В могильнике Чауху на поверхности захоронения отмечались, как правило, каменными насыпями, выкладками или оградками, под которыми находилось от одной до нескольких могильных ям. Могильные ямы, которые перекрывались каменными плитами или деревянными плахами, часто имели короткий и неглубокий дромос, а погребения чаще всего были групповыми вторичными. Среди способов труположения выделяются два: скорченно на боку головой на северо-запад и вытянуто на спине. Могилы взрослых часто сопровождалась детскими погребениями и жертвенными ямами с черепами лошадей, быков, верблюдов или скелетами собак (рис. 2, 11). Погребальный инвентарь представлен керамикой, изделиями из железа и бронзы – ножами, удилами, в том числе стремявидными с дополнительным отверстием, обоймами, зеркалами с петелькой в центре оборотной стороны, наконечниками стрел, предметами, оформленными в “скифском” зверином стиле и т.п. (Комиссаров С.А., 2000, с. 303–307; 2000а. С. 106–108; Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002. С. 55, 56. Рис. XIV–XVI; Ковалев А.А., 1996. С. 126; Ларичев В.Е., Комиссаров С.А., 2002; *New Achievements...*, 1995. Pp. 221–301; Mei, Shell, 2002. Pp. 213–215. Fig. 14, 2; 14, 3).

К одному из вариантов культуры чауху относится и могильник Цюньбакэ (Чунбак). На поверхности погребения отмечены каменными насыпями, под которыми располагались одна или несколько могильных ям, перекрытых деревянными плахами. Здесь также встречены могильные ямы с коротким дромосом. “В нескольких случаях камера с коридором возводилась из бревен на дневной поверхности, после чего засыпалась землей. Преобладают групповые вторичные захоронения, кости и деревянные конструкции, как правило,

³ А.А. Ковалев (1996. С. 126) для могильника Чауху приводит дату по C¹⁴ – 990–625 гг. до н.э. Для могильника Цюньбакэ в китайской публикации приводятся даты по C¹⁴ – 955–585 гг. до н.э. и 810–610 гг. до н.э. (Kaogu, 1991. № 8. P. 701). По С.А. Комиссарову (2002. С. 345), с учетом калибровки все даты непосредственно по комплексу могильников Чауху объединяются в промежутке 990–625 гг. до н.э., а по могильнику Цюньбакэ (Чунбак) – 950–625 гг. до н.э. Даже при отказе от калибровки, как подчеркивает С.А. Комиссаров, все даты по культуре чауху концентрируются в районе XI–VI вв. до н.э. А последние данные по чаухускому могильнику в районе Кызыльского водохранилища уводят ранние даты (после калибровки) в XI и даже XII вв. до н.э. (Ларичев, Комиссаров, 2002).

сильно обожжены. Рядом с могилами располагались жертвенные ямы с костями (большой частью черепами) лошадей и верблюдов” (Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002. С. 57, 58). Встречены также погребения, где умершие уложены на спине с подогнутыми вверх ногами, головой на север или северо-запад, или скорченно на боку. Погребальный инвентарь представлен, помимо керамики, различными изделиями из бронзы, железа, дерева и кости.

Среди бронзовых предметов удила со стремявидными окончаниями, в том числе и с дополнительными отверстиями, трехлопастные черепковые накопечники стрел, зеркала в виде плоского диска без ручки или с длинной боковой ручкой, имеющей на конце отверстие (Ларичев В.Е., Комиссаров С.А., 2002; Mei, Shell, 2002. Pp. 215–218. Fig. 14,4; New Achievements, 1995. Pp. 356–367).

Хотелось бы обратить внимание и на культуру плиточных могил XIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Монголии. Обязательным атрибутом погребального обряда носителей этой культуры были черепа животных, чаще всего лошади и мелкого рогатого скота, которые располагались в восточной части на плитах перекрытия, за пределами могильной ямы. Иногда на это место укладывали голову коня со шкурой и копытами. Известны и могилы в виде каменных ящичков. Для погребений дворцового типа IX–VI вв. до н.э. этого же региона⁴, которые А.Д. Цыбиктаров включает в культуру плиточных могил в качестве захоронений родоплеменной знати ее носителей, характерны овальные или подпрямоугольные в плане каменные выкладки, под которыми находятся овальные могильные ямы, забутованные камнем.

Захоронения носителей культуры плиточных могил совершались вытянуто на спине, головой на восток, реже с незначительным отклонением к северу или югу. В погребениях дворцового типа имеются черепа животных числом от 3–5 до 30 в одной могильной яме, уложенные на уровне погребенного, дугообразно в изголовье и в ногах (рис. 2, 4, 7).

В антропологическом отношении носители культуры плиточных могил – ярко выраженные монголоиды (Гришин Ю.С., 1981, с. 118–124; Кириллов О.И., 1988. С. 24, 25; Членова Н.Л., 1992, с. 250, 254; Цыбиктаров А.Д., 1998, с. 48–51, 104, 133, 136; 1999, с. 104–109, 115–117; 2003. С. 81–83).

Таким образом, на территории Центральной Азии (Забайкалье, Монголия, Северный и Северо-Западный Китай) в первой половине I тыс. до н.э. существовали культуры с устойчивой традицией размещения жертвенных животных в головах погребенных. Причем, чаще всего это были головы, пре-

⁴ В датировке культуры плиточных могил у исследователей нет единства. Так, Ю.С. Гришин датировал ее концом II тыс. до н.э. – II в. н.э. (Гришин Ю.С., 1981, с. 124, 125, 140). Н.Л. Членова считает, что нет веских причин отодвигать начало культуры ранее VIII–VII вв. до н.э. Свое существование культура прекратила, по ее мнению, во II в. н.э. (Членова Н.Л., 1992, с. 249). А.Д. Цыбиктаров датировал культуру XIII–VI вв. до н.э. (Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 80, 82). Нет единства и в вопросах хронологии памятников дворцового типа, а также соотношения с культурой плиточных могил (Членова Н.Л., 1992, с. 249, 250; Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 82).

имущественно лошадей и мелкого рогатого скота. Помещались они в могильную яму, иногда в специальную нишу, на ее перекрытие, у края могилы на древней поверхности или в специальной яме.

Поэтому появление в Центральном Казахстане погребений коргантасского типа, характерной особенностью которых являются отсеки с черепами жертвенных животных следует рассматривать, вероятно, как результат миграции в этот регион каких-то групп центральноазиатских кочевников.

А.Д. Цыбиктаров, рассматривая вопрос о судьбе населения культуры плиточных могил, отметил два важных, на наш взгляд, момента. Во-первых, самые поздние плиточные могилы, добавим также – и погребения дворцовского типа, датируются VI в. до н.э. Во-вторых, памятники Внутренней Монголии и Ордоса, в которых зафиксирован обряд помещения голов животных в головах погребенного (Маоцингоу, Таохунбала и др.) датируются, как уже указывалось, VII–III или V–III вв. до н.э. (Цыбиктаров А.Д., 1998, с. 160). Как представляется, можно выстроить цепочку: Забайкалье и Монголия – Внутренняя Монголия и Ордос – Центральный Казахстан (памятники коргантасского типа). Памятники, составляющие эту цепочку, объединяет погребальный обряд. Захоронения совершались в каменном ящике или грунтовой яме. Погребенные укладывались вытянуто на спине, головой преимущественно на восток (Забайкалье, Монголия, Ордос) или северо-восток (Центральный Казахстан). В головах умершего в могильной яме (иногда в специальной нише), на перекрытии ямы или у ее края помещали головы домашних животных, преимущественно лошадей и овец.

Следует подчеркнуть, что во второй половине III в. до н.э. в урало-казахстанских степях, также как и на примыкающих к ним территориях, происходят значительные изменения, связанные в целом с трансформацией этнокультурной ситуации в восточной части степной Евразии, вызванной подвижками кочевого населения Центральной Азии (Боталов С.Г., 2003, с. 89–99). Однако, связывать эти изменения лишь с северным походом Модэ 203–202 гг. до н.э. вряд ли правомерно. Очевидно, продвижение на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений центральноазиатских кочевников, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере уже в начале III в. до н.э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения. Как отмечает Н.Н. Крадин, “хуннская политика, в период, предшествовавший воцарению Модэ, при правлении Тоуманя и даже, видимо, ранее, в середине III в. до н.э. предстает как сложившаяся централизованная политическая система с существующей социальной стратификацией, разработанной иерархической системой управления..., сложившимися институтами высшей власти” (Крадин Н.Н., 2001, с. 31, 32). Естественно, такое государство не могло возникнуть внезапно, в “одночасье” по выражению А.Д. Цыбиктарова (1999, с. 124). Этому, очевидно, предшествовал достаточ-

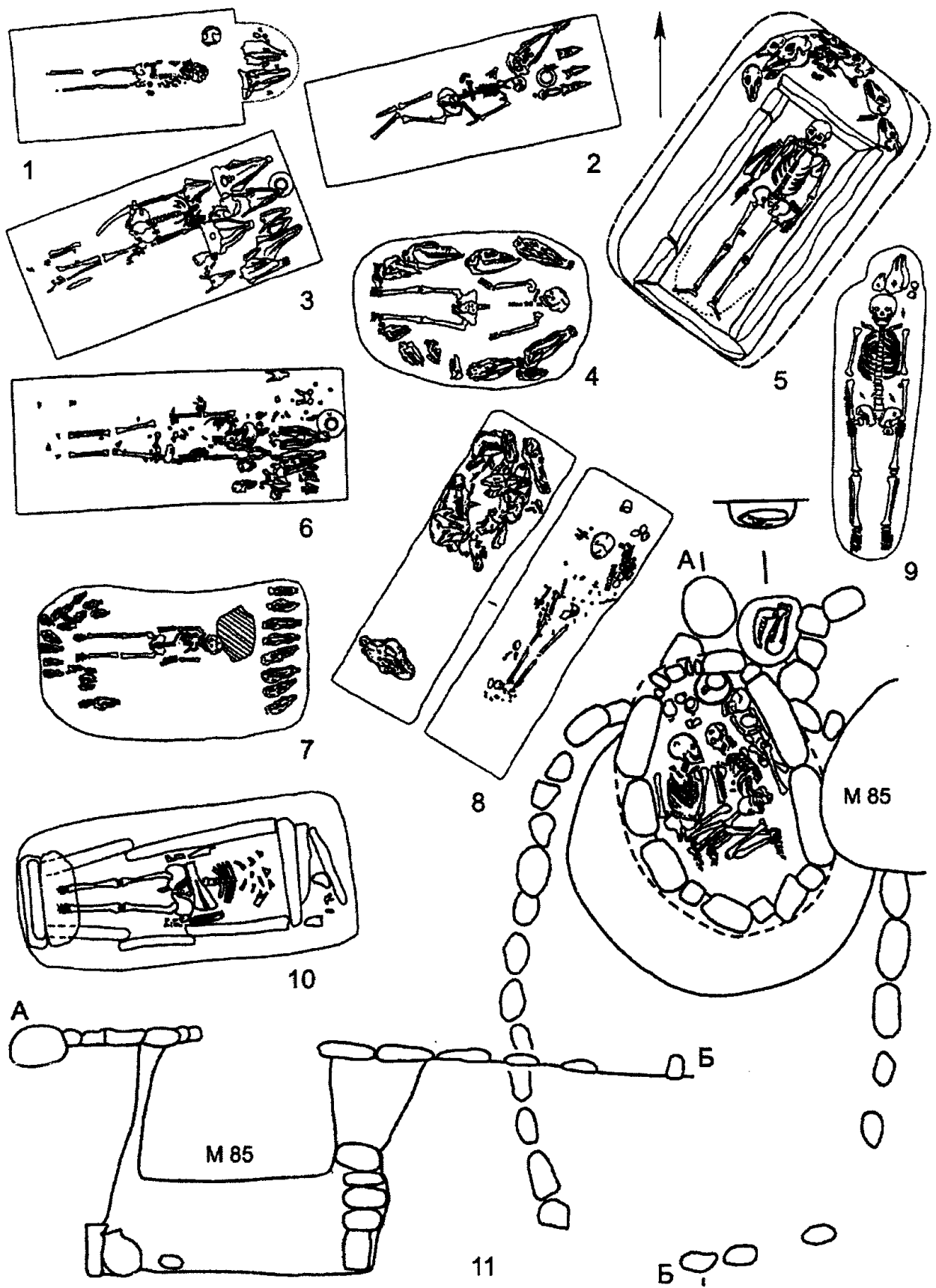

Рис 2. Погребения с черепами животных Центральной Азии и Алтая.

Рис 2. Погребения с черепами животных Центральной Азии и Алтая.

1 – 3, 6 – могильник Маоцингоу (1 – могила 23; 2 – могила 43; 3 – могила 75; 6 – могила 6); 4, 7 – захоронения из могил дворцового типа; 5 – курган 1 могильника Сибирка; 8 – Таохунбала, могила 1; 9 – Хоолтын-Гол, погребение 1; 10 – могильник Кер-Кечу, курган 9; 11 – могильник Чауху-4, могила M84. 1, 2, 3, 6, 8 – по: (Маоqinggou..., 1992); 4, 7 – по: (Цыбиктаров А.Д., 1999); 5 – по: (Полосьмак Н.В., 1990); 9 – по: (Асеев И.В., 1975); 10 – по: (Могильников В.А., 1988); 11 – по: (New Achievements..., 1995).

но продолжительный период его становления, насыщенный, как это обычно бывает у кочевников, многочисленными межплеменными столкновениями, борьбой за политическое и экономическое преобладание. Кроме того, надо иметь в виду и некоторые моменты политики как отдельных китайских царств конца периода Чжаньго, так и империи Цинь по отношению к северным “варварам” – кочевым племенам Северного и Северо-Западного Китая (Таиров А.Д., 2004а, с. 144, 145).

На наш взгляд, уже в III в. до н.э. вполне вероятны миграции на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений центральноазиатских кочевников. Как отмечает В.И. Молодин, в III в. до н.э. на Южный Алтай, по-видимому, с юго-востока проникают небольшие группы носителей “одного из вариантов культуры плиточных могил или ранних гуннов” (Молодин В.И., 2000, с. 119). Памятники III в. до н.э. Южного Алтая (плато Укок) дают заметное увеличение доли монголоидного компонента, по сравнению с предшествующим пазырыкским населением. Обнаруженный здесь высоколицый монголоидный компонент можно связать с хунну Забайкалья и Монголии (Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 2000, с. 128). С этим проникновением, очевидно, связано погребение III–II вв. до н.э. в простой грунтовой яме с остатками деревянной конструкции могильника Ак-Алаха 1. Погребенный лежал на спине, головой на север. Над его головой, на специальной ступеньке, выкопанной в грунте, полукругом были уложены черепа животных: двух лошадей, баранов и коз (Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., 2003, с. 402, 403).

Употребляя в данной работе этнонимы “сюнну”, “хунну”. “гунны”, “юэцжи” мы не вкладываем в них конкретного этнического содержания, а следуем лишь за исследователями, употребляющими данные этнонимы в своих работах. Для нас важно лишь то, что эти этнонимы применяются ими для обозначения тех или иных групп кочевого населения Монголии, Северного и Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана).

Все большее усиление хунну в Монголии и Синьцзяне привело к росту их влияния на пазырыкцев, что способствовало усилению этнокультурных контактов, а затем, вероятно, к гуннской экспансии в районы Горного Алтая (Молодин В.И., 2000а, с. 136; Молодин В.И., Полосьмак Н.В., 2001, с. 72). Приток нового населения в районы Алтая в результате “разгрома пазырыкцев-юэц-

жей хуннами в конце III–первой половине II вв. до н.э.” отмечает и В.А. Могильников (1988, с. 83). Именно влиянием хунну, которые в конце III–II вв. до н.э. проникают в Чуйскую степь, объясняет он находку черепов коз в позднепазырыкском погребении III–II вв. до н.э. кургана 2 могильника Елангаш (Могильников В.А., 1988, с. 73, 74). Здесь умерший ребенок был уложен в листовенничную колоду скорченно на боку, головой на северо-восток. За пределами колоды, в северном углу могильной ямы находились четыре козлиных черепа (Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979, с. 70, рис. 13).

Подводя итог, отметим, что в III в. до н.э., по крайней мере в его второй половине, в урало-казахстанских степях, также как и на примыкающей к ним территориях Алтая, происходят значительные изменения, связанные с трансформацией этнокультурной ситуации в Центральной Азии. История создания державы хунну и данные письменных источников о взаимоотношениях китайских царств и северных “варваров” в конце периода Чжаньго позволяют утверждать, что уход части кочевников Северного и Северо-западного Китая на север и северо-запад начался еще до северного похода Модэ 203–202 гг. до н.э. С III в. до н.э. присутствие мигрантов центральноазиатского происхождения археологически фиксируются на Алтае (Южном и Горном). В Центральном Казахстане в III в. до н.э. появляются погребения коргантасского типа, никак не связанные с предшествующей тасмолинской культурой этого региона. Появление их обусловлено инфильтрацией в Центральный Казахстан групп кочевого населения из Северного и Северо-Западного Китая, оставившего там памятники типа Маоцингоу.

Высказанное предположение в какой-то мере подтверждается и в изголовье и в ногах (рис. 2, 4, 7) немногочисленными пока данными антропологии. Так, изучение краниологической серии (3 мужских и 3 женских черепа) из коргантасских памятников показало определенную разницу между типами мужчин и женщин. Мужская серия принадлежит к европеоидам с очень слабой примесью монголоидных черт. Женская серия представляет смешанный расовый тип с ощутимой долей монголоидной примеси. При сопоставлении мужских и женских черепов, последние, имея общее сходство морфологических особенностей, явно обнаруживают усиление монголоидной примеси. При сравнительном рассмотрении мужских черепов с сериями из соседних регионов “выявляется их общее сходство с населением Среднего Прииртышья и Восточного Казахстана”. Наибольшую морфологическую близость по ряду показателей коргантасская мужская серия обнаруживает с краниологическими материалами Предгорного Алтая, “отличаясь лишь несколько меньшей высотой черепа, более уплощенным переносьем и низкими орбитами. Отметим, что еще более малые, чем в черепах нашей серии, симотическая и дакриальная высоты найдены лишь в краниологических сериях Забайкалья и Западной Монголии, на всех остальных территориях для населения гунно-сармат-

ского времени было характерно средневысокое переносье”. Особенности женской серии позволяют “предположить, что во второй половине и конце I тыс. до н.э. шел более усиленно процесс метисации местных европеоидных тасмолинцев Центрального Казахстана с определенными монголоидными группами. Возможно, эти группы имели тувинское и забайкальское происхождение, так как эти регионы имеют некоторое сходство с перечисленными выше признаками монголоидного характера женских черепов из коргантасских погребений” (Исмагулова О.А., Бейсенов А.З., 1996. С. 110–115).

Изложенное выше положение, основанное на доступных, к сожалению, кратких публикациях по коргантасским памятникам, носит лишь предположительный характер и, естественно, требует дальнейшей разработки. Без ответа остаются и некоторые принципиальные вопросы. В частности, почему, как отмечает А.З. Бейсенов (1996, с. 93), в центральноказахстанских жертвенниках, в отличие от центральноазиатских, присутствует конская сбруя? По нашему мнению, необходимо также уточнение предложенных датировок коргантасских памятников (III–I вв. до н.э.), на что, кстати, указывает и А.З. Бейсенов (1996, с. 93, 94).

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев И.В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975. С. 178–187.
2. Бейсенов А.З. Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников поздне-тасмолинского времени в Восточной Сарыарке) // Изучения памятников археологии Алтайского края. Материалы научно-практической конф. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 221–226.
3. Бейсенов А.З. Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. Международ. конф. Ч. I. Улан-Удэ, 1996. С. 89–94.
4. Бейсенов А.З. О памятниках завершающего этапа тасмолинской культуры Центрального Казахстана // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Ч. II. Уфа, 1996а. С. 19–21.
5. Бейсенов А.З. Некоторые данные об этнокультурных контактах Центрального Казахстана с восточными районами Центрально-Азиатского региона в конце I тыс. до н.э. (памятники коргантасского типа в Восточной Сарыарке) // Материалы I и II Научных чтений памяти В.П. Юдина (1993–1994 гг.). Алматы, 1999. С. 22–26.

6. Бейсенов А.З. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Изв. МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2002. № 1. С. 31–41.
7. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О. Археолого-антропологические данные из могильника Бирлик // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конф.). Ч. 1. М., 1992. С. 128–136.
8. Бейсенов А.З., Кожакоев Д.А. Раннекочевнические курганы с жертвенными отсеками в Центральном Казахстане // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 59–64.
9. Бейсенов А.З., Мукажанов М.Ф., Умиткалиев У.У., 2004. Об основных направлениях изучения памятников раннего железного века Центрального Казахстана // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. Тезисы докладов. Караганда, 2004. С. 26–28.
10. Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 140–148.
11. Боталов С.Г. Сарматские памятники урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов конца III–I вв. до н.э. (юэчжийско-сарматский историко-культурный комплекс) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003. С. 89–99.
12. Варенов А.В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (Тез. научно-практической конф.). Барнаул, 1995. С. 123–125.
13. Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981. – 204 с.
14. Исмагулова А.С., Бейсенов А.З. К изучению антропологического типа населения Центрального Казахстана раннекочевнического времени // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. Международный конф. Ч. I. Улан-Удэ, 1996. С. 110–115.
15. Кадырбаев М.К. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н.э. – VI в. н.э.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1959. – 16 с.
16. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1959а. Т. 7. Археология. С. 162–203.
17. Кириллов О.И. Александровский могильник эпохи палеометалла из Восточного Забайкалья // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1988. С. 18–26.
18. Ковалев А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 121–127.

19. Комиссаров С.А. Культура раннего железного века в Южном При Тяньшанье на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. Новосибирск, 2000. С. 303–307.
20. Комиссаров С.А. Культура Чаухугоу Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 2000а. С. 106–108.
21. Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2001. – 312 с.
22. Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевом сезоне 1975 г.) // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 61–75.
23. Ларичев В.Е., Комиссаров С.А. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника) // История и культура Востока Азии / Материалы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Том 1. Новосибирск, 2002.
24. Маргулан А.Х. и др., 1966. – Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. – 435 с.
25. Мерц В.К., Красноперова О.Н., 2004. Памятники Шидертгинского археологического комплекса // Сборник материалов научно-практической конференции “Наследие академика А.Х. Маргулана”, посвященной 100-летию юбилею ученого. Экибастуз, 2004. С. 153–163.
26. Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108–120.
27. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60–107.
28. Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 86–119.
29. Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000а. № 4. С. 131–139.
30. Молодин В.И., Комиссаров С.А. Соотношение древних культур Восточного Туркестана и Сибири (к историографии проблемы) // Восток–Россия–Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 273–301.

31. Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура и самодийская проблема // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск–Омск, 2001. С. 69–74.
32. Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.
33. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 137–144.
34. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Работы на юге Горного Алтая // АО 2002 года. М., 2003. С. 401–403.
35. Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 95–114.
36. Таиров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 50–54.
37. Таиров А.Д. Этнокультурные трансформации в III–II вв. до н.э. в урало-казахстанских степях // Известия Челябинского научного центра. 2004а. Вып. 4 (26). С. 144–148. – http://www.csc.ac.ru/news/2004_4/
38. Умиткалиев У.У., Бейсенов А.З. Из раскопок А.М. Оразбаева в Центральном Казахстане: погребение Суыкбулак близ г. Каркаралы // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции “Маргулановские чтения – 15”. Алматы, 2004. С. 37–40.
39. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учебное пособие. Новосибирск, 2002. – 156 с.
40. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. – 288 с.
41. Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Вып. 3. Улан-Удэ, 1999. – 266 с.
42. Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в середине II–первой половине I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13). С. 80–97.
43. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132–137.
44. Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3 (3). С. 116–131.
45. Kaogu, 1991. № 8. – Xinjiang Archaeological Team, IA, CASS and Institution for the Preservation of Ancient Monuments, Bayingolin Autonomous Mongolian Prefecture, Xinjiang. A Preliminary Report on the Second and Third Excavations of

- Tombs at Qunbake, Luntai County, Xinjiang // Kaogu. 1991. № 8. Pp. 684–712 (на кит. яз.).
46. Maoqinggou, 1992. – Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Grдberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archдologie. Band 50. Mainz am Rhein, 1992.
47. Mei, Shell, 2002. – Jianjun Mei & Colin Shell. The Iron Age Cultures in Xinjiang and their Steppe Connections // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Edited by Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. Pp. 213–234.
48. New Achievements..., 1995. – New Achievements in Archaeological Research in Xinjiang During the Time Span (1979–1989). Xinjiang People's Publishing House, 1995 (на кит. яз.).

Г. Ю. ПЕРЕСВЕТОВ

г. Павлодар, Павлодарский историко-краеведческий музей

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ ПАМЯТНИКОВ “КОРГАНТАССКОГО ТИПА”

Среди памятников конца I тыс. до н. э. в Восточных районах Центрального Казахстана в 90-е гг. XX в., А. З. Бейсеновым был выделен своеобразный комплекс памятников т. н. коргантасского типа, датируемый предварительно III-I вв. до н. э. (А. З. Бейсенов, 1995, с. 11, А. З. Бейсенов, 1997, с. 15). Область распространения их приурочена в основном к южным и юго-западным районам Павлодарской и северо-восточным районам Карагандинской областей.

Особенности погребального обряда коргантасских памятников неоднократно были описаны в работах Бейсенова А. З., поэтому нет необходимости вновь возвращаться к их детальной характеристике. Тем не менее, вкратце, все же напомним, что основная масса коргантасских погребений находится под округлыми или овальными каменными насыпями. Погребенные находятся в положении вытянуто на спине головой на СВ или В. Зачастую на грудной клетке или на поясе умершего находятся лопатка и ребро лошади или барана (Бейсенов А. З., 1997, с. 13). Главной особенностью данного типа памятников является наличие за головой погребенного, жертвенных отсеков с черепами лошадей, овец, изредка коз и крупного рогатого скота (рис. 1-4). В остальном, обустройство погребальных камер мало отличается от предшествующих тасмолинских погребений, что в свое время позволило Бейсенову А. З. предположительно отнести коргантасский тип к заключительному этапу тасмолинской культуры. Однако, ориентация головой на северо-восток и наличие в коргантасских памятниках жертвенников за головой погребенного, говорит, скорее всего, о появлении в северо-восточных районах Центрального Казахстана в III вв. до н. э. нового погребального обряда, не связанного с тасмолой. Что касается датировки коргантасских памятников, некоторые из них, видимо, следует отнести к более раннему времени - IV в. до н. э. Об этом свидетельствует находка в могильнике Шидерты 18 бронзового колчанного крюка с округлым щитком и поперечной петелькой. Подобные изделия встречаются в Горном и предгорном Алтае, где датируются с кон. VI - IV вв. до н. э. (Кирюшин Ю. Ф. и др., 2003, с. 78, рис.12-5).

Отличительной чертой Тасмолы от коргантасских памятников, является то, что тасмолинцы ориентировали умерших головой на север или северо-запад, запад, изредка на юго-запад, но никогда в восточном направлении.

Анализ тасмолинских погребений, в которых присутствуют черепа животных, свидетельствует, во-первых, о непродолжительном времени быто-

вания подобного обычая примерно с середины VII-по середину VI вв. до н. э., во-вторых, этот обычай, фиксируется пока на весьма ограниченной территории, только в районе среднего течения р. Шидерты, а точнее в Экибастузском районе Павлодарской области. В наиболее ранних памятниках Тасмолы (кур. 5 ж, мог. Карамурун I, одиночный курган в районе станции Шидерты), относящиеся к кон. VIII-нач. VII вв. до н. э., кости и черепа жертвенных животных отсутствуют. В конце VI в. до н. э. обычай помещать в ноги погребенных черепа животных, как таковой исчезает (некоторые памятники, отнесенные М.К. Кадырбаевым к V в. до н. э., по нашему мнению, требуют пересмотра их датировки). На смену погребений с черепами жертвенных животных появляются погребения с воинскими поясами.

Необходимо также остановиться на составе животных в коргантасских памятниках, представленных помимо черепов и костей лошади и барана, наличием козы и крупного рогатого скота. В древности, при низком уровне развития производительных сил, фактор среды играл определяющую роль в зарождении той или иной формы хозяйства. Кочевое скотоводство Центрального Казахстана определялось большой амплитудой кочевания, обусловленное естественными факторами, какими являются периодичность поедаемости скудной растительности и сезонное состояние водных источников, неравномерно распределенных на огромных степных пространствах. Эти факторы определяли строгое соотношение видов домашних животных, с преобладанием в реальном стаде животных, пригодных к длительным передвижениям и самодобыванию корма в зимних условиях, каковыми являются верблюды, лошади и овцы (Акишев К.А. 1986, с. 7-11).

Насколько известно, в тасмолинских памятниках почти исключительно находят только кости лошади и барана. Лишь в одном случае в кур. 24, мог. Тасмола I обнаружен скелет козленка?, и ни разу не зафиксировано наличие костей крупного рогатого скота. Появление в стаде центральноказахстанских племен в кон. IV-I вв. до н.э. таких животных как коза и крупный рогатый скот объясняется не столько переходом на другой уровень развития скотоводства у тасмолинцев, сколько появлением пришлого населения, для которых разведение коз и крупного рогатого скота было присуще наравне с разведением лошадей и овец.

Сравнение коргантасских памятников с другими известными погребальными сооружениями раннего железного века на территории Казахстана также не выявляют какой-либо связи. Кажущееся сходство, по мнению Таирова А. Д., (см. статью в наст. сб.) памятников коргантасского типа с погребальными сооружениями кулажургинской культуры не имеет ничего общего. Кулажургинские памятники Восточного Казахстана представлены оградами-крепидами, каменными ящиками и деревянными рамами, восточной ориентировкой с положением костяков скорчено на правом боку (при этом

костики, находящиеся в положении вытянуто на спине, ориентированы головой почти исключительно на запад), заупокойной пищей в виде крестца барана, а также сопроводительными захоронениями лошадей на плитах перекрытия, кувшинообразными глиняными сосудами (Самашев З. С., 1987, с. 95-113). Все эти признаки скорее сближают кулажургинские памятники с памятниками пазырыкской культуры Горного Алтая, нежели с коргантасскими.

Ближайшей аналогией коргантасским памятникам Казахстана, является курган 1 могильника Сибирка в Северо-Западном Алтае. Под куполообразной каменной насыпью, в грунтовой могильной яме, находился погребенный в положении вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 5). В северо-восточном торце могильной ямы, на уровне перекрытия была устроена ниша, в которой располагались черепа лошадей (в упряжи), баранов и козлов (Полосьмак Н. В., 1990, с. 104). Датировка памятника лежит в пределах V-III вв. до н. э. Немаловажно, что в кургане 1, могильника Сибирка с правой стороны в районе грудной клетки, находилась лопатка лошади, как и в коргантасских погребениях.

Единичные погребения с наличием в головах погребенного, черепов животных, известны также в Горном Алтае, где датируются в пределах V-III вв. до н.э.. Погребение в кургане 9 могильника Керр-Кечу и в кургане 2 могильника Елангаш (Могильников, 1988, с. 72; Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В. 1979, с. 70). Правда, погребенный подросток в могильнике Елангаш, в отличие от коргантасских, уложен в скорченном положении на боку.

Необходимо отметить еще один важный памятник в Горном Алтае. В могильнике Кызыл-Таш, датируемого в пределах IV - III вв. до н.э., изучено шесть погребений, имеющих, на наш взгляд, непосредственное отношение к могильнику Сибирка и коргантасским памятникам Казахстана (рис. 6-9).

Кызылташские памятники представлены однослойными каменными насыпями овальной формы. Внутримогильные конструкции представлены каменными ящиками с каменным перекрытием, комбинированным каменно-деревянным ящиком с дощатым перекрытием, деревянным ложем и одна яма без каких-либо конструкций. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на восток. В четырех курганах погребений людей не обнаружено. В восточном секторе пяти ям обнаружены черепа животных, а в трех курганах найдены лопатки животных (в двух случаях - в области таза погребенных, в кенотафе - в середине ямы) (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 90).

Все вышеперечисленные признаки, на наш взгляд, указывают на непосредственную связь Алтайских памятников с коргантасскими Казахстана. Причем инвентарь Алтайских курганов представлен главным образом бронзовыми предметами, (в отличие от казахстанских, где преобладают предметы из железа) что указывает на более раннюю дату их сооружения.

Указывая на некоторые черты сходства погребального обряда Алтайских курганов с черепами животных с памятниками пазырыкской и кара-кобинской культуры (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 9; Могильников В. А., 1988, с. 74), авторы все же отмечают не свойственность основных признаков погребального обряда для данной территории и связывают их с выходцами из северо-восточных районов Китая.

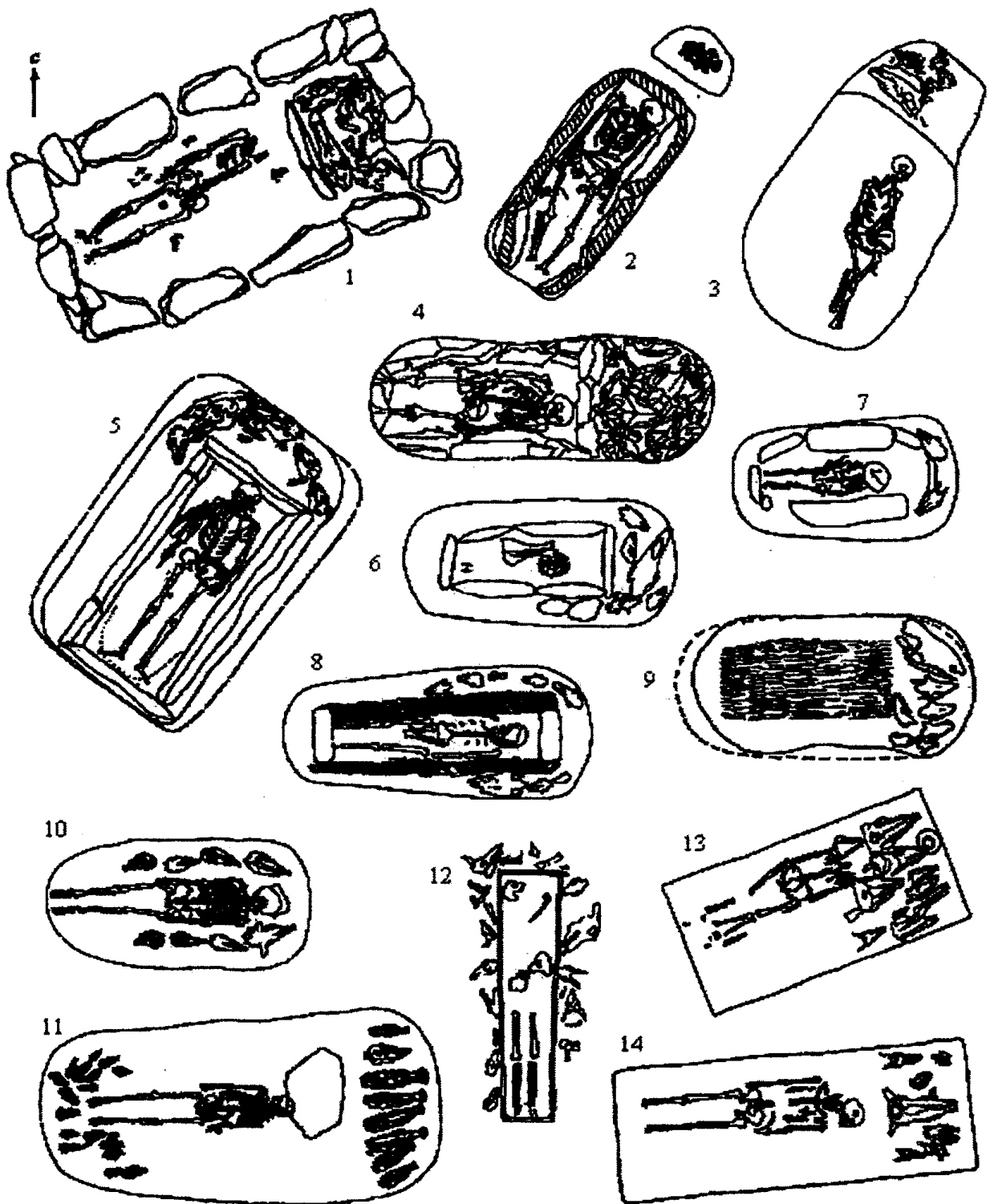
Появление на Алтае погребений с черепами животных в восточной части могильной ямы в конце IV - начале III вв. до н. э. по мнению Соенова В. И. и Эбеля А. В., возможно связано с усилением в IV в. до н. э. китайского царства Цинь и его завоеваниями в Ордосе и прилегающих районах (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 92).

Известно, что в Ордосе в скифское время существовали погребения с наличием черепов и костей коров, лошадей, овец и коз в головах погребенных, уложенных вытянуто на спине, головой на северо-восток и восток, изученных по материалам могильников Маоцингоу (рис. 13, 14), Таохунбала, Гунсухао и других, датируемые V-III вв. до н.э. Ранее эти памятники определялись как раннесюньские, однако сегодня исследователи склонны рассматривать их как могильники лоуфаней, обитавших в Ордосе в эпоху Чуньцю, впоследствии попавших под власть сюнну в конце III в. до н. э. (Миняев С. С. 1991 а, с. 124). Еще ранее племена лоуфаней и линьху были разгромлены китайцами в 307 г. до н. э. Часть населения Ордоса после китайского разгрома, видимо, мигрировало в другие регионы. Вероятно, с этой миграцией и связано появление на Алтае погребений с черепами и копытами животных, присущих для территории Северного Китая.

Появление же основной массы коргантасского типа памятников в Северо-Восточных районах Центрального Казахстана связано, по всей видимости, со второй волной миграции северокитайских племен, ознаменованное уже давлением со стороны сюнну.

Отмечая близость и непосредственную связь коргантасских памятников с алтайскими, необходимо обратить внимание и на некоторую разницу с северокитайскими памятниками. В последних, в отличие от алтайских и казахстанских, черепа лошадей не взнузданы, а также присутствует керамическая посуда. В могильнике Таохунбала черепа и кости жертвенных животных находились на перекрытии могильных ям. Однако эти факты, возможно, не могут однозначно указывать на значительную разницу вышеперечисленных памятников. Отсутствие глиняной посуды и наличие предметов конского снаряжения могло быть связано с вынужденной миграцией северокитайских племен.

Продолжая тему об отличительных чертах погребений с черепами и костями животных, вернемся к могильнику Кызыл-Таш в Горном Алтае, отметив некоторую разновидность погребений. Здесь представлено два варианта

1, 2 – кур. 13, 2, мог. Берлик; 3 – пог. Суыкбулак; 4 - пог. Шидерты; 5 – кур. 1, мог. Сибирка; 6, 7, 8, 9 – кур. 22, 22а, 21, 20 - мог. Кызыл-таш; 10, 11 – кур 25, 10, мог. Жигуржинка; 12 – пог. 7, мог. Тыбш-уул; 13, 14 – мог. Маоцингоу

расположения в могиле черепов животных. Первый вариант представлен, как и в коргантасских памятниках наличием черепов за головой погребенного, или в восточной части могильной ямы в кенотафах. Второй вариант представлен расположением черепов вокруг погребенного. Как в первом, так и во втором случае имеются лопатка и ребро лошади на тазовых костях погребенных, что свидетельствует о единстве погребального обряда и об однокультурности кызылташских захоронений.

Первый вариант погребального обряда в точности соответствует коргантасским аналогам, а вот второй в коргантасском типе памятников не известен, зато он, наряду с первым, был распространен в Забайкалье и Монголии. Монгольские памятники представлены (рис. 12) погребением 7 могильника Тыбш-Уул (Полосьмак Н. В., 1990, с. 105) и плиточными могилами (Членова Н. Л., 1992, с. 250).

Сюда же относятся выделенные Кирилловым памятники дворцового типа в Забайкалье. Дворцовские памятники характеризуются овальными курганными выкладками с дополнительной забутовкой камнем могильных ям при отсутствии плит перекрытия. Погребенных сопровождает большое количество черепов домашних животных (лошади, коровы, овцы), которые выкладывались либо двумя дугами (рис. 10), образуя окружность, в центре которой помещался умерший, либо рядами в изголовье погребенного (рис. 11). Одни исследователи считают данные памятники вариантом культуры плиточных могил, другие выделяют их в отдельную, т. н. дворцовскую культуру, датируемую концом IX – VII вв. до н.э. (Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И., 2000, с. 60).

Таким образом, на территории Забайкалья и Монголии зафиксирован обычай помещения черепов и костей животных в изголовье и вокруг погребенного. Данное обстоятельство сближает кызылташские погребальные сооружения, возможно, не с памятниками Ордоса, которые развивались своим путем, а с территорией Монголии и Забайкалья.

Забайкалье, Монголия, Горный Алтай, Казахстан – таков наиболее вероятный путь распространения памятников с наличием в головах погребенного жертвенных отсеков с черепами животных. Территорией возникновения данного погребального обряда нужно считать Забайкалье и Монголию, где подобный обычай имеет более раннее происхождение. Возникнув вероятно на рубеже VIII-VII вв. до н. э. (дворцовский тип памятников), далее шло его распространение южнее (плиточные могилы) до Ордоса в V-III вв. до н. э. (Маоцингоу, Таохунбала, Гунсухао), а также западнее с IV в. до н. э. через Алтай (Кызыл-Таш, Сибирка) в северо-восточные районы Центрального Казахстана (коргантасский тип памятников). Распространяясь с населением, соблюдающим обряд расположения в могилах в определенном порядке черепов животных, сам обряд претерпевал незначительные изменения (что, на наш взгляд,

вполне естественно). Надмогильные сооружения и обустройство погребальных камер в раннем железном веке (курганские насыпи, грунтовые ямы, плиты перекрытий, каменные ящики и т. д.) в целом имели широкое распространение на огромном пространстве от Монголии на востоке до Причерноморья на западе, поэтому их сравнение несет лишь вспомогательную роль. Неизменной была сама идея расположения в могильной яме в определенном порядке черепов и костей жертвенных животных.

На территории Забайкалья и Монголии данный обряд, вероятно, доживает до распространения здесь сюнских памятников. Не случайно, что в погребениях сюнну на данной территории с III в. до н. э. также фиксируется обычай помещения за головой погребенного черепов жертвенных животных (Могильников В. А. 1992, с. 262). Носители дворцового типа памятников на востоке и культуры плиточных могил на западе не только вошли в состав сюннского государственного объединения, но и сохранили черты своего погребального обряда.

К сожалению, в работах посвященных коргантасским памятникам, главное внимание уделено лишь описанию непосредственно особенностям погребального обряда, тогда как вещевой комплекс упоминается лишь вскользь, отсутствуют изображения предметов, что естественным образом затрудняет полный анализ памятников при рассмотрении аналогов. Кроме того, для окончательных выводов, по поводу соотношения всех памятников с наличием в головах погребенного костей и черепов жертвенных животных и путей распространения погребального обряда, необходимо провести соотношение антропологического материала.

Все же, несмотря на последние недостатки, связь коргантасских памятников Казахстана с алтайскими, на наш взгляд, ввиду их идентичности, бесспорна. При этом, наличие в коргантасских погребениях предметов изготовленных из железа, отсутствующих в памятниках с головными жертвенниками на Алтае, свидетельствует о более поздней дате первых. Не исключено также, что между появлением алтайских и казахстанских памятников лежит непродолжительный отрезок времени, укладывающийся в пределах IV в. до н. э.

Что касается связи алтайских памятников с памятниками Ордоса и Монголии, здесь еще предстоит детальный анализ с привлечением вещевого и антропологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней. авт. док. дис. М., 1986. 38 с.
2. Амиргалина, Г.Т., Айтемишева Д.Т. Коргантасское погребение на р. Шидерты // Сатпаевские чтения. Павлодар 2002, с. 135-137.

3. Бейсенов А. З., Исмагулова А. О. Археолого-антропологические данные из могильника Бирлик //Маргулановские чтения. М., 1992. с. 128-135.
4. Бейсенов А.З., Кожакон Д. А. Раннекочевнические курганы с жертвенными отсеками в Центральном Казахстане //Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алма-Ата,1993. с. 59-63.
5. Бейсенов А.З., К изучению погребального обряда населения Восточной Сарыарки конца I тысячелетия до н. э. //Проблемы взаимодействия национальных культур. ч. 2. Астрахань, 1995. с.11-13.
6. Бейсенов А.З., Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана. авт. дис. к. и. н. Алматы,1997. 26 с.
7. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Новосибирск, 2000. 176 с.
8. Кадырбаев М. К., Памятники тасмолинской культуры //Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. с. 303-433.
9. Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. ч. 2. Барнаул, 2003. 234 с.
10. Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В. Курганы Чуйской степи //Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. с. 61-75.
11. Миняев С. С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса //Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991 а. с. 122-124.
12. Могильников В. А. Курганы Керр-Кечу //Проблемы изучения культуры населения горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. с. 60-107.
13. Могильников В. А. Хунну Забайкалья //Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. с. 254-273.
14. Полосьмак Н. В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннской культуры //Китай в эпоху древности. Новосибирск,1990. с. 101-107.
15. Соенов В.И., Эбель А.В. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш //Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. с. 88-97.
16. Умиткалиев У. У., Бейсенов А. З. Из раскопок А. М. Оразбаева в Центральном Казахстане: погребение Суыкбулак близ г. Каркаралы. //Новые исследования по археологии Казахстана. Алматы, 2004. с. 37-40.
17. Членова Н. Л. Культура плиточных могил //Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. с. 247-253.